

АРХЕТИП ТРАВМИРОВАННОЙ ЛИЧНОСТИ С РАЗНЫМИ РАННИМИ ДЕЗАДАПТИВНЫМИ СХЕМАМИ

ARCHETYPE OF THE POST-TRAUMATIC PERSONALITY WITH VARIOUS EARLY MALADAPTIVE SCHEMES

**T. Kapustina
A. Elzesser
S. Tsyngunov**

Summary. This article presents the results an empirical study of the post-traumatic person archetypes with various early maladaptive schemes. The sample of the study consisted of 94 students aged 18–25 years. The study showed that there is a link between different archetypes and early maladaptive schemes, both for a traumatized (Warrior, Orphan, Seeker, Destroyer, Lover), and an individual who did not experience trauma (Innocent, Seeker, Destroyer, Creator, Mage). The obtained results in this study can be explained by the not integrated experience of trauma is suppressed in everyday life in adulthood and manifests itself through early maladaptive schemes which effects are offset by the strategy of the archetype in the personality structure prevailing.

Keywords: archetype of personality, archetype of traumatized personality, post-trauma personality, psychological trauma, early childhood trauma, early maladaptive schemes, early childhood experience.

Капустина Татьяна Викторовна

Преподаватель, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский
государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
(г. Владивосток)

12_archetypesplus@mail.ru

Эльзессер Анастасия Сергеевна

Преподаватель, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский
государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
(г. Владивосток)

der_falter@mail.ru

Цыгунев Сергей Батоевич

ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный
медицинский университет» Министерства
здравоохранения Российской Федерации (г. Владивосток)
sergeytsyngunovvl@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования архетипов личности, имеющей травматический опыт, с разными ранними дезадаптивными схемами. Выборку исследования представили 94 студента в возрасте 18–25 лет. Исследование показало, что имеется взаимосвязь между разными архетипами и ранними дезадаптивными схемами, как у травмированной (Воин, Сирота, Искатель, Разрушитель, Влюбленный), так и не травмированной личности (Невинный, Искатель, Разрушитель, Творец, Маг). Полученные результаты могут говорить о том, что не интегрированный личностью травматический опыт, вытесняемый из обыденного сознания во взрослой жизни, проявляется в ранних дезадаптивных схемах, действие которых компенсируются стратегией преобладающего в структуре личности архетипа.

Ключевые слова: архетип личности, архетип травмированной личности, психологическая травма, травма раннего возраста, ранние дезадаптивные схемы, ранний детский опыт.

Введение

Представления об архетипах личности у людей с психологической травмой и разными ранними дезадаптивными схемами изучены мало и в большинстве случаев основываются на опыте практической работы психологов с клиентами, чьи качественные данные не имеют статистического подкрепления. При этом совершенствование теоретических представлений по данной теме способно оказать помощь специалистам-практикам — психологам, психотерапевтам, психиатрам. Выстраивание психотерапевтической работы с клиентами и пациентами с посттравматическим стрессом, осмысление таких бессознательных конструктов как архетип личности и ранние дезадаптивные схемы,

установление корреляций между данными конструктами,— всё это может позволить проводить более качественную и глубокую психологическую работу за счет понимания бессознательного таких клиентов.

Посттравматический стресс как отсроченная реакция на травматические события угрожающего или катастрофического характера оставляет глубокий след в психике человека: он способен влиять на психическое состояние, жизненный выбор, объектные отношения и поведение [14, 17, 18]. Травматическим событием могут стать ситуации опасности для жизни, к примеру, тяжелой болезни, смерти значимого лица, различные депривации в детском возрасте [11, 16]. При этом проживание травмы зависит от наличия психических

травм в прошлом [17]. Так, ранние дезадаптивные схемы — определенные устойчивые структуры поведения, сформировавшиеся в результате неудовлетворения или чрезмерного удовлетворения базовых потребностей ребенка, вносят свои коррективы в формирование реакции на травматическое событие [15]. Более того, на основе психологической травмы может сформироваться предрасположенность к выраженности определенных архетипов личности [12].

В основу исследования положены трактовка посттравмы Д. Калшеда [3] и классификация архетипов, выделенная К. Пирсон на основе работ К. Г. Юнга [6, 13], представленная в качестве типологии личности Т. В. Капустиной [4]. Под психологической травмой в юнгианском направлении психоанализа, представленном Д. Калшедом, понимается всякое переживание, вызывающее у ребенка непереносимое душевное страдание, которое запускает механизмы самосохранения. Будучи формой психологической защиты, архетипы личности становятся теми внутренними объектами, которые направлены на совладание с причиненными страданиями со стороны объектов внешних. При этом в трактовке Д. Калшеда архетипы призваны компенсировать подверженность личности психологической травматизации, «исцеляя» психику. Доминирование в психическом не единственного архетипа, а нескольких [4, 6], может объясняться многообразием травматичных ситуаций детства, требующих от психики выработать соответствующие копинг-стратегии. Несколько преобладающих архетипов способны расширить репертуар реакций личности в ситуациях травмы и сделать их достаточными для снижения интенсивности страдания. Косвенным аргументом в пользу данной позиции может служить отмечаемая в источниках юнгианского направления неоднородность проживания архетипов: подключение к энергиям данных конструктов происходит стадияльно [8]. Данной точки зрения на стадияльность архетипов придерживается и К. Пирсон, выделяя стадии подготовки, пути и возвращения [6].

Другим перспективным способом понимания посттравмы является концепция ранних дезадаптивных схем (РДС), предложенная Дж. Янгом и трактуемая им как устойчивый комплекс поведенческих реакций, представлений личности о самом себе и окружающем мире, его когнитивных конструктах и эмоциональных проявлениях, сформированных в детском и подростковом возрасте.

Необходимость установить, имеется ли взаимосвязь между ведущими архетипами у травмированной личности и ранними дезадаптивными схемами, нашла выражение в *цели настоящего исследования*.

Нарушенные базовые потребности, которые легли в основу травмы, Дж. Янг разделил на пять категорий: «нарушение связи и отвержение», «нарушенная автономия», «направленность на других», «нарушенные границы» и «сверхбдительность и запреты» [5].

Мы можем соотнести некоторые категории с описаниями архетипов. Так, архетип «Сирота» характеризуется недоверием к миру и ощущением покинутости, что может формироваться на основе эмоциональных лишений со стороны значимых лиц [7] и соотносится с такими РДС как «эмоциональная депривированность» и «дефективность/стыд». Архетип «Разрушитель» может влиять на выраженность категории «нарушенная автономия» и соотносится с РДС «зависимость» и «привилегированность», так как в позитивном модусе данный архетип позволяет достичь независимости от социального статуса.

Таким образом, мы предположили, что архетипы Сирота, Разрушитель в большей степени могут быть связаны с РДС травмированной личности.

Организация и методы исследования

Выборку исследования составили 94 студента обоих полов в возрасте 18–25 лет, обучающиеся на 2–4 курсах в Тихоокеанском государственном медицинском университете и Дальневосточном федеральном университете по специальностям «Медико-профилактическое дело», «Биология», «Клиническая психология». Средний возраст испытуемых 20,4 лет.

В исследовании были использованы следующие методики: анкета «Ранний опыт отношений в семье» Р. В. Кадырова [1], опросник травматических ситуаций (Life Experience Questionnaire — LEQ), адаптированный Н. В. Тарабриной [9], проективная методика «12 архетипов плюс» Р. В. Кадырова, Т. В. Капустиной [4], методика SMI (Schema Modes Inventory) Дж. Янга, в переводе и адаптации П. М. Касьяника и Е. В. Романовой [5]. Для статистической обработки использовались непараметрический U-критерий Манна-Уитни и коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена при уровне значимости не более $\alpha = 0,05$.

Результаты и их обсуждение

На первом этапе исследования с помощью опросника травматических ситуаций (LEQ), адаптированного Н. В. Тарабриной, участники исследования были разделены на основную группу и группу сравнения на основе оценки индекса травматичности. Согласно критериям оценки психологической травмы, которые выделяет Н. В. Тарабарина, следует оценивать индекс травматичности, если он выше 3 баллов, то это говорит о наличии

Таблица 1. Значимые различия по шкалам анкеты «Ранний опыт отношений в семье» между двумя группами

Шкала	Сравниваемые выборки: Основная группа / Группа сравнения	Значение суммы критерия Манна-Уитни, U	Значение верхних критических точек, Z	Уровень достоверности
Отвержение/ Принятие	ОГ / ГС	225,0	-3,45	0,008
Наличие ласки/ Отсутствие ласки	ОГ / ГС	246,0	-3,15	0,016
Эмоциональная доступность	ОГ / ГС	208,0	-3,70	0,001
Наличие подкрепления/ Отсутствие подкрепления	ОГ / ГС	312,0	-2,20	0,050
Наличие поддержки/ Отсутствие поддержки	ОГ / ГС	306,5	-2,27	0,042
Потери	ОГ / ГС	306,0	-2,28	0,045
Насилие/ Отсутствие насилия	ОГ / ГС	310,0	-2,22	0,049

Таблица 2. Преобладание архетипов в разных группах

Шкала	Сравниваемые выборки	Значение суммы критерия Манна-Уитни, U	Значение верхних критических точек, Z	Уровень достоверности
Архетип «Служитель»	ОГ / ГС	229,0	3,4	0,0007
Архетип «Искатель»	ОГ / ГС	344,5	-2,15	0,03

психологической травмы [9]. Таким образом, если индекс травматичности был выше 3 баллов, респонденты были отнесены к основной группе (48 человек), если ниже 3 баллов — то к группе сравнения (46 человек). При этом учитывались конкретные события, которые могли бы стать причиной психологической травмы: сексуальное насилие, травмы раннего детского возраста, травмы, связанные с природными катастрофами, общие травмы.

На втором этапе исследования было установлено, как именно соотносится уровень психологической травматизации личности и ранний опыт отношений в семье. Для этого были сопоставлены шкалы методики «Ранний опыт отношений в семье» между двумя группами — основной и группы сравнения. Как видно из таблицы 1, в жизненном опыте основной группы сохраняются переживания отвержения, отсутствия ласки, эмоциональной недоступности, отсутствия подкрепления и поддержки, опыт потери. В группе сравнения отмечается опыт принятия, ласки, наличия подкрепления и поддержки, отсутствие опыта потери. Можно предположить, что ранний опыт отношений в семье становится базисом формирования последующих психологических травм. Архетипы «Сироты», «Разрушителя» и «Мудреца» не выражены ни в одной из групп.

На третьем этапе исследования были определены доминирующие архетипы личности для основной

группы и группы сравнения. Проведенный с помощью U-критерия Манна-Уитни анализ показал значимость различий, было установлено, что для основной группы характерна большая выраженность архетипа «Служитель», а для группы сравнения архетипа «Искатель» (Таблица 2).

Вероятно, исследуемые, которые пережили опыт психологической травматизации, частично интегрировали травматический опыт и стараются компенсировать его через помощь другим людям. Действие архетипов «Разрушитель» и «Сирота» не активны, а интеграция пережитого опыта происходит через архетип «Служитель», что соответствует «раненому целителю», описанному Д. Калшедом [3]. Выраженность архетипа «Искатель» может говорить о том, что для группы сравнения характерно желание найти себя и исследовать окружающий мир, что характерно для юношеского возраста исследуемых [7].

На четвертом этапе исследования выраженность архетипов личности была сопоставлена с ранними дезадаптивными схемами с помощью критерия Ч. Спирмена, как в основной группе, так и в группе сравнения (Таблицы 3, 4).

Было установлено, что чем ниже уровень выраженности РДС «Жесткие стандарты, придирчивость», тем выше выраженность архетипа «Воин», что может быть

Таблица 3. Результаты соотнесения архетипов с ранними дезадаптивными схемами в основной группе исследуемых

Коррелируемые показатели	Объем выборки	Значение коэффициента корреляции Спирмена, R	Уровень достоверности
Архетип «Воин»/ Жестокость	48	-0,37	0,039
Архетип «Сирота» / Жестокость	48	0,36	0,041
Архетип «Искатель» / Дефективность	48	-0,35	0,041
Архетип «Разрушитель» / Недоверие, Ожидание жестокого обращения	48	0,38	0,039
Архетип «Влюбленный» / Покинутость, Нестабильность	48	0,60	0,015
Архетип «Влюбленный» / Дефективность	48	0,66	0,012
Архетип «Влюбленный» / Уязвимость	48	0,54	0,021
Архетип «Влюбленный» / Запутанность	48	0,54	0,019
Архетип «Влюбленный»/ Подавленность эмоций	48	-0,46	0,031
Архетип «Влюбленный»/ Пунитивность	48	0,59	0,014

Таблица 4. Результаты соотнесения архетипов с ранними дезадаптивными схемами в группе сравнения

Коррелируемые показатели	Объем выборки	Значение коэффициента корреляции Спирмена, R	Уровень достоверности
Архетип «Невинный»/ Недостаточность самоконтроля	46	-0,43	0,02
Архетип «Искатель» / Пунитивность	46	-0,38	0,03
Архетип «Разрушитель» / Зависимость	46	-0,39	0,04
Архетип «Разрушитель» / Привилегированность	46	-0,39	0,04
Архетип «Творец» / Покинутость, Нестабильность	46	0,59	0,04
Архетип «Маг» / Подавленность эмоций	46	-0,41	0,03

связано с потребностью людей, в чьей психике активен данный архетип (24 человека), не противостоять окружающему миру, а планировать и добиваться своих целей [6]. В свою очередь, было установлено, что чем выше выражен архетип «Сирота» (27 человек), тем выше влияние данной РДС. Вероятно, это связано с опытом отвержения и придирчивости со стороны значимых лиц в детстве, что заставляет взаимодействовать подобным образом и в настоящее время.

Выявлена положительная корреляция между архетипом «Разрушитель» (17 человек) и РДС «Недоверие, Ожидание жестокого обращения», что может быть связано с переживанием страха жестокого обращения и попыткой предвосхитить мнимую опасность, действуя агрессивно и деструктивно [6].

При этом, чем выше выраженность архетипа «Влюбленный» (24 человека), тем выше такие РДС, как «Покинутость, Нестабильность», «Дефективность», «Уязвимость», «Запутанность» и «Пунитивность». Вероятно, подобные результаты связаны с тем, что люди, у которых преобладает потребность любить и быть любимыми, стремятся воспроизвести травматический опыт детства с тем, чтобы пережить его более адаптивно. Однако

подобные усилия носят деструктивный характер, пока травматический опыт не осознан и не интегрирован [3]. Наблюдаемая отрицательная корреляция между архетипом «Влюбленный» и РДС «Подавленность эмоций» говорит о готовности к выражению собственных чувств, что позволяет предположить направленность, потенциал к интеграции травматического опыта.

В группе сравнения были получены иные результаты. Чем ниже выраженность архетипа «Невинный» (14 человек), тем выше влияние РДС «Недостаточность самоконтроля». Вероятно, легкомысленность, которая свойственна Невинному, не переходит в деструктивный модус. Обнаруженная связь между архетипом «Искатель» (31 человек) и РДС «Пунитивность» может говорить о том, что действие данного архетипа снижает страх ожидания жестокого обращения и наказания, поскольку Искателя характеризует открытость к миру и потребность его исследовать [6].

В свою очередь, архетип «Разрушитель» может влиять на выраженность таких РДС, как «Зависимость» и «Привилегированность», так как в позитивном модусе данный архетип позволяет избавляться от лишнего и независим от социального статуса [6].

Выраженность архетипа «Творец» (23 человека) положительно коррелирует с РДС «Покинутость, нестабильность»: компенсация травматического опыта происходит за счет удовлетворения потребности в созидании и творчестве [10].

Выраженность архетипа «Маг» (15 человек) имеет обратную корреляцию с РДС «Подавленность эмоций», что можно интерпретировать способностью Мага брать на себя ответственность и контролировать происходящее в его жизни, в том числе и эмоции [6].

Выводы

Выдвинутые нами предположения о том, что у переживших психологическую травму респондентов архетипы Разрушителя и Сироты преобладают и соотносятся с РДС «Нарушение связи и отвержение», «Сверхбдительность и запреты», «Нарушенные границы», не подтвердились. При этом были получены следующие результаты. В основной группе преобладал архетип «Служитель», что может объясняться потребностью компенсировать опыт психологической травмы через помощь другим людям; корреляции между данным архетипом и конкретными РДС не было установлено, это может говорить об универсальном характере подобной компенсации. Были выявлены следующие связи РДС и архетипов. С архетипом «Разрушитель» коррелировали РДС «недоверие, ожидание жестокого обращения»; с архетипом «Влюбленный» связаны РДС «Покинутость, нестабильность», «Дефективность», «Уязвимость», «Запутанность», «Подавленность эмоций» и «Пунитивность». Вероятно,

подобный результат объясняется потребностью компенсировать травмы детского возраста через обращение во взрослом возрасте к прошлому опыту с целью пережить его более адаптивно [2].

В свою очередь, в группе сравнения между архетипами и РДС были установлены следующие отрицательные корреляции. Архетип «Разрушитель» и РДС «Привилегированность», «Зависимость», что может быть следствием подчеркнутой независимости людей, в чьей психике активен данный архетип; «Невинный» и «Недостаточность самоконтроля», поскольку для «Невинного» хоть и свойственна некоторая легкомысленность, но она не приобретает деструктивных форм; «Искатель» и «Пунитивность», поскольку люди, в чьей психике преобладает данный архетип, более открыты новому опыту и взаимодействию; «Маг» и «Подавленность эмоций», что вероятно, связано со способностью «Мага» к осознанности и самопринятию. Кроме того, была выявлена положительная корреляция между архетипом «Творец» и РДС «покинутость, нестабильность», что может быть следствием потребности компенсировать травматический опыт через созидательные формы поведения.

Результаты исследования могут помочь практикующим психологам и психотерапевтам, которые работают в рамках глубинно-ориентированного подхода в консультировании и психотерапии. При этом глубокое понимание архетипов личности клиентов и пациентов, может обеспечить более качественное оказание психологической и психотерапевтической помощи людям с психологической травмой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кадыров Р.В., И. А. Ковалев, Ильина И. С. Психическая травма раннего возраста и психологические характеристики наркозависимых // Тихоокеанский медицинский журнал. 2016. № 4. С. 66–69.
2. Кадыров Р.В., Мироненко Т. А. Обзор зарубежных исследований ранних дезадаптивных схем в клинической практике // Тихоокеанский медицинский журнал. 2017. № 3. С. 60–65
3. Калшед Д. Внутренний мир травмы: архетипический защиты личностного духа: пер с англ. М.: Академический Проспект, 2007. 368 с.
4. Капустина Т. В. Создание и апробация методики «Способ оценки личности — 12 архетипов плюс» для диагностики индивидуально-личностных характеристик // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 6. № 1А. С. 64–75.
5. Касьяник П.М., Романова Е. В. Диагностика ранних дезадаптивных схем / Институт схематерапии. Санкт-Петербург: Изд. Политехнического университета, 2016. 151 с.
6. Марк М., Пирсон К. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов. СПб.: Питер, 2005. 336 с
7. Мухина В. Уникальный диапазон понятий архетип // Развитие личности. 2014. № 4. С. 163–201.
8. Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1998. 462.
9. Тарабрина Н.В., Аарков В. А., Химчан З. Г., Шаталова Н. Е., Щепина А. И., Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 1. Теория и методы. М.: Когито-Центр, 2007. 208 с.
10. Тэжэ В. Психика и ее лечение. Психоаналитический подход. М.: Канон+, 2012. 464 с.
11. Уласень Т.В., Бобров А. Е. Детская депривация и формирование аномалий психического развития: состояние проблемы // Вестник Смоленской медицинской академии. 2016. Т. 15. № 4. С. 150–163.
12. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. М.: изд. Эксмо, 2018. 192 с.
13. Юнг К. Г. Архетип и символ. М., Когито-центр, 1991. 304 с.

14. Garnefski N., van Rood Y., de Roos C., Kraaij V. Relationships Between Traumatic Life Events, Cognitive Emotion Regulation Strategies, and Somatic Complaints // *Journal of Clinical Psychology in Medical Settings*. 2017. Vol. 24, № 2. pp. 144–151.
15. Maçik D. Early maladaptive schemas, parental attitudes and temperament, and the evolution of borderline and avoidant personality features — the search for interdependencies // *Psychiatria i Psychologia Kliniczna*. 2018. Vol. 18. № 1. pp. 12–18
16. Olaya B., Alonso J. et al. Association between traumatic events and post-traumatic stress disorder: results from the ESEMeD-Spain study // *Epidemiology and Psychiatric Sciences*. 2015. Vol. 24. № 2. pp. 172–183. DOI: S2045796014000092
17. Regel S., Joseph S. *Post-traumatic Stress*. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 26.
18. Yang M.S., Hedeker D. A life-span approach to examining older vulnerable population's subjective well-being: the role of adversity and trauma // *Aging & Mental Health*. 2019. DOI: 10.1080/13607863.2019.1652245

© Капустина Татьяна Викторовна (12_archetypesplus@mail.ru),

Эльзессер Анастасия Сергеевна (der_falter@mail.ru), Цынгунов Сергей Батович (sergeytsyngunovvl@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тихоокеанский государственный медицинский университет